

УДК 343.79

МОМЕНТ ОКОНЧАНИЯ КРИМИНАЛЬНОГО БАНКРОТСТВА И ЗНАЧЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ И. С. ТИШКЕВИЧА О НЕОКОНЧЕННОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ ДЛЯ ЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

К. С. ЗАХИЛЬКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Вопрос определения момента окончания криминального банкротства связан с определением границ данного посягательства, надлежащей уголовно-правовой оценкой содеянного, а также эффективностью и практической применимостью ст. 239–241 Уголовного кодекса Республики Беларусь. В науке уголовного права данная проблема является дискуссионной, однако она не получила детального рассмотрения в отечественной литературе применительно к особенностям белорусского законодательства. Учитывая значительный вклад профессора И. С. Тишкевича в области развития учения о неоконченном преступлении, целесообразным видится рассмотрение его теоретических взглядов в преломлении на данную дискуссию, что приобретает дополнительную актуальность в преддверии столетия со дня рождения ученого. Рассмотрение заявленного круга проблем позволило прийти к выводам о несоответствии реальной общественной опасности криминального банкротства в современных условиях законодательному отражению момента его окончания. Полученные выводы могут быть использованы при совершенствовании законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: криминальное банкротство; оконченное и неоконченное преступление; момент окончания криминального банкротства; материальная конструкция состава криминального банкротства; ущерб при совершении криминального банкротства.

THE MOMENT OF THE CRIMINAL BANKRUPTCY COMPLETING AND I. S. TISHKEVICH DOCTRINE OF THE UNFINISHED CRIME VALUE FOR THIS MOMENT DETERMINING

K. S. ZAKHILKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Determining of the moment of completing of criminal bankruptcy is connected with the definition of the boundaries of this crimes, the proper criminal-legal assessment of the deed, as well as the effectiveness and practical applicability of art. 239–241 of the Criminal Code of the Republic of Belarus. In the science of criminal law, this problem is debatable. However, it did not receive detailed consideration in the domestic literature with reference to the specifics of the Belarusian legislation. In view of significant contribution of professor I. S. Tishkevich in the development of the doctrine of an unfinished crime, it seems advisable to consider his theoretical views in refraction for this discussion. This is extra topical in eve of the centennial of the scientist. Consideration of the declared problems allowed coming to conclusions that the real public danger of criminal bankruptcy in modern conditions inconsistent with the legislative reflection of the moment of its completing. The findings can be used to improve legislation and law practice.

Key words: criminal bankruptcy; finished and unfinished crime; the moment of the end of criminal bankruptcy; material construction of the composition of criminal bankruptcy; damage in the commission of criminal bankruptcy.

Образец цитирования:

Захилько КС. Момент окончания криминального банкротства и значение взглядов И. С. Тишкевича о неоконченном преступлении для его определения. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2018; 3:15–20.

For citation:

Zakhilko KS. The moment of the criminal bankruptcy completing and I. S. Tishkevich doctrine of the unfinished crime value for this moment determining. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2018;3:15–20. Russian.

Автор:

Кирилл Сергеевич Захилько – старший преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета.

Author:

Kiryl S. Zakhilko, senior lecturer at the department of criminal law, faculty of law.
zakhilko@yahoo.com

Введение

Рассматривая проблемы момента окончания преступления, И. С. Тишкевич указывал, что «отдельные составы могут быть сконструированы таким образом, что определение момента, когда эти преступления достигают стадии оконченого преступления, вызывает затруднения» [1, с. 134]. Для иллюстрации данного тезиса им анализировались некоторые случаи таких ситуаций, в основном связанные с хищениями имущества. Спустя некоторое время такая проблема возникает применительно к составам, сформулированным в нормах о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности, в том числе нормах о криминальном банкротстве. Некоторые методологические подходы и взгляды И. С. Тишкевича до сих пор актуальны и в отношении данной проблематики, несмотря на то обстоятельство, что нормы, аналогичные некоторым нормам о преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности, в момент написания

его трудов о неоконченном преступлении вовсе отсутствовали.

В иностранной литературе проблема момента окончания криминального банкротства находит освещение в трудах П. С. Яни, И. А. Клепицкого, Л. Д. Гаухмана и некоторых других исследователей. В отечественной литературе данный вопрос затрагивался белорусским исследователем В. В. Хилутой и не был освещен в достаточной степени, что предопределяет необходимость рассмотрения данной проблемы в целях уточнения подходов при законодательном определении границ данного посягательства и выявления причин пониженной эффективности и практической применимости ст. 239–241 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Особую актуальность упомянутый вопрос приобретает в преддверии памятной даты профессора И. С. Тишкевича, который уделял большое внимание проблемам, непосредственно связанным с вопросом момента окончания преступления.

Основная часть

Составы, предусмотренные ч. 2 ст. 238 УК, ст. 239–241 УК, по своей конструкции являются материальными (в терминологии, предлагаемой И. С. Тишкевичем, – «результатными» [1, с. 30]). Соответственно, они признаются юридически оконченными с момента наступления предусмотренных в законодательстве последствий, которые в УК определены как ущерб в крупном (для ч. 2 ст. 238 УК – особо крупном) размере.

При экономической несостоятельности (банкротстве) речь идет о невозможности удовлетворения требований кредиторов за счет всего имущества должника, установление реального размера которого может быть неочевидным, связанным с длительной процедурой [2, с. 105]. Учитывая особенности законодательства об экономической несостоятельности (банкротстве) (например, об очередности удовлетворения требований кредиторов, о процедурах оспаривания сделок для наращивания конкурсной массы, об управлении имуществом должника третьими лицами для улучшения его экономического состояния и т. д.), для правоохранительных органов по объективным причинам долгое время может быть неясно, причинены ли явно незаконными действиями лиц, совершивших деяния, содержащие признаки криминального банкротства, реальный ущерб (т. е. возможно ли исполнение обязательства); кому конкретно он причинен; каков его размер. Зачастую такую оценку можно произвести лишь после окончания процедур экономической несостоятельности (банкротства) либо на окончательных их стадиях.

Вместе с тем ущерб от деяний, содержащих в себе признаки криминального банкротства, может

быть очевидным в ситуации, когда выявленная по итогам составления очередной бухгалтерской отчетности обстановка неплатежеспособности, имеющей или приобретающей устойчивый характер, сопряжена с таким финансово-экономическим состоянием должника, при котором удовлетворение требований кредиторов (в настоящий момент и в перспективе) на определенную сумму становится явно невозможным, а также весьма очевидна опасная направленность действий лица на уклонение от исполнения обязательств. Так, например, лицо осуществляет сокрытие имущества должника или его безвозмездное отчуждение, реорганизацию, влекущую отделение активов от безнадежных пассивов в ситуации, когда показатели бухгалтерского баланса демонстрируют устойчивое и явное превышение пассивов над активами организации. При этом лицо, совершившее указанные действия, вплоть до признания экономическим судом в процессе производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) невозможности удовлетворить требования кредиторов, может ссылаться на наличие у должника некоторых активов, формальная стоимость которых якобы позволяет покрыть обязательства перед кредиторами и на основании этого утверждать об отсутствии умысла на причинение ущерба в момент совершения таких деяний. При этом стоимость таких активов может быть существенно завуалирована или искажена в результате переоценки или иными методами. Отмечается, что такие ситуации весьма распространены [3].

При совершении умышленных действий в рамках криминального банкротства такая ситуация во-

все является типичной, что сопрягается с развитием хозяйственного оборота, возрастанием медианного уровня профессионализма лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность и бухгалтерский учет. Следует отметить, что такая типизация варианта поведения в результате поиска злоумышленниками путей реализации их намерений приводит к перемещению момента возникновения признаков общественной опасности в деянии на более ранние этапы его совершения, что необходимо рассматривать в качестве варианта таких предпосылок к криминализации деяния, как расширение его распространенности при одновременной вредоносности (об этих критериях см., например, [4, с. 105; 5, с. 120–124]).

Как видно из вышеуказанного, реальное функционирование норм о криминальном банкротстве сталкивается со значительным затруднением, вызванным, с одной стороны, особенностями правоотношений в области экономической несостоятельности (банкротства) и материальной конструкцией состава преступления, основанной на необходимости констатации наступления ущерба как последствий, наступивших в результате совершения деяния, – с другой. Это породило в доктрине уголовного права **дискуссию о моменте окончания криминального банкротства.**

На сегодня в научной литературе следует выделить два основных подхода к определению момента юридического окончания криминального банкротства.

1. Рядом исследователей моментом окончания криминального банкротства предлагается считать **момент уменьшения собственных активов должника** в результате действий, описанных в нормах о криминальном банкротстве [6, с. 161–162; 7, с. 24; 8, с. 17; 9, с. 13–16], как уже непосредственно влекущих неизбежные негативные последствия для кредиторов. Причины использования данного подхода весьма понятны: это стремление рассматривать в качестве уголовно противоправных ситуации, когда факт умышленного уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами является очевидным уже на стадии уменьшения собственных активов, так как развитие отношений между кредитором и должником в ситуации несостоятельности предполагает дальнейшее обращение взыскания со стороны кредитора на активы должника. Вместе с тем использование такого подхода не согласуется с законодательством и доктринальными представлениями о моменте окончания преступления, предполагающего ущерб в качестве обязательного признака.

В качестве доктринальной опоры, позволяющей проверить соответствие данного подхода представлениям о моменте окончания преступления, удобно обратиться к трудам И. С. Тишкевича. Ученый, проводя границу между моментом оконча-

ния результатных и факультативно-результатных преступлений, отмечал, что для признания результатного преступления окончательным необходимо, чтобы объекту посяательства был причинен определенный ущерб, включенный в число элементов объективной стороны, тогда как при факультативно-результатных преступлениях законодатель признает достаточным поставление объекта в опасность причинения вреда [1, с. 30]. В процессе процедур банкротства управляющий может возратить часть утраченного в связи с умышленными действиями должника имущества (например, оспаривая незаконные сделки должника в соответствии со ст. 109–110 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-3 «Об экономической несостоятельности (банкротстве) (далее – Закон № 415-3)), что повлечет наращивание конкурсной массы и устранение невозможности удовлетворения требований кредиторов. Хотя по своей сути данный вариант ненаступления последствий не влияет на общественную опасность деяния, обусловленную негативным отношением лица к социальной значимости надлежащего порядка исполнения обязательств, юридически такая ситуация влечет необходимость констатации отсутствия ущерба, под которым следует понимать реальные негативные последствия для кредиторов, объективные изменения их имущественного положения.

Утрачивается ли общественная опасность содеянного, если, к примеру, лицо сокрыло имущество должника, а через 1,5 года тяжб после отстранения этого лица от управления должником управляющий смог восстановить платежеспособность должника и произвести расчет с кредитором? Формально – да, так как в таком случае отсутствует ущерб для кредитора (если не учитывать недополученного имущества). Однако реально следует дать отрицательный ответ. На данном примере видно, что при криминальном банкротстве фактически общественно опасным следует признавать именно момент поставления объекта в опасность, причинения вреда, тогда как дожидаться реального причинения ему вреда, как того требует существующий подход в оформлении уголовной противоправности криминального банкротства, нецелесообразно. Очевидно, что подход иностранного законодателя (равно, как и отечественного вплоть до 2007 г., когда формальный состав ст. 241 УК стал материальным в рамках гуманизации уголовного законодательства [10]; что странно, схожий состав, описанный в ст. 242 УК, остался и «гуманным», и формальным) с формальными составами, позволяющими переместить момент окончания криминального банкротства на момент уменьшения собственных активов должника в результате действий, описанных в нормах о криминальном банкротстве, видится необходимостью, обусловленной реальными особенностями совершения криминального банк-

ротства и развитием хозяйственного оборота, а не жесткой мерой, противоречащей тенденции гуманизации уголовного законодательства.

Представляется, что в рамках подхода, при котором момент окончания криминального банкротства предлагается относить на момент уменьшения собственных активов должника, исследователи доктринальным образом переносят момент юридического окончания криминальных банкротств на стадию оконченного покушения, при которой «наступление преступного результата хотя и не имело места, но он мог наступить в результате совершенных с этой целью действий, если бы этому не помешали независящие от виновного обстоятельства» [1, с. 158]. Как было указано выше, такое толкование соответствует сущности механизма причинения вреда общественным отношениям при совершении криминального банкротства, но противоречит действующим редакциям ч. 2 ст. 238, ст. 239–241 УК, а также доктринальным представлениям о моменте юридического окончания преступления.

Кроме того, представляется, что в контексте современных общественных отношений в области порядка осуществления экономической деятельности общественно опасными следует признавать и ситуации, когда сам должник может после совершения действий, указанных в нормах о криминальном банкротстве, принять меры по улучшению своего имущественного состояния, в целом преследуя при совершении данной деятельности цели отсрочки расчетов перед кредитором, нарушения установленного порядка расчетов в интересах отдельных лиц и т. п. В развитых социально-экономических отношениях такие действия уже сами по себе существенно дезорганизуют важнейшие социально-экономические институты, в том числе институт банкротства, даже несмотря на отдаленные последствия в виде наступления ущерба отдельным кредиторам.

Оптимальным следует признать момент окончания криминального банкротства, момент уменьшения собственных активов должника при обстоятельствах, когда факт умышленного уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами путем злоупотребления институтом банкротства является очевидным. Такая законодательная возможность присутствует относительно ст. 239 и 241 УК, которые могут быть сформулированы с указанием размера имущества, исключенного из числа активов должника в результате совершения преступных деяний, либо размера принятых должником обязательств при наличии неплатежеспособности (формальные составы, ограниченные критерием размера имущества). Такой подход позволит разрешить комплекс проблем квалификации и правоприменения, рассмотренных в настоящей работе. Представляется, что, исходя из рассмотренного выше, рано или поздно отечественный законодатель бу-

дет вынужден вернуться к подходу с формальным составом препятствования возмещению убытков кредиторам, имевшему место в ст. 241 УК в редакции до 2007 г., особенно с учетом расширяющегося значения института банкротства в отечественных реалиях неплатежеспособности.

Исходя из указанного, также не вызывает сомнения необходимость включения в размер ущерба недополученных сумм и косвенных расходов (упущенной выгоды), которые оспаривает в своих работах В. В. Хилота по причине необоснованного расширения пределов уголовной ответственности [11]. Как видно, включение упущенной выгоды в размер ущерба при совершении криминального банкротства, наоборот, способно хотя бы частично нивелировать недостатки, вызванные использованием материальных конструкций составов.

В этом аспекте можно предложить промежуточный вариант устранения недостатков материальной конструкции составов при криминальном банкротстве, если такое изменение невозможно по уголовно-политическим основаниям. Так, размер ущерба как признака, предусмотренного в нормах о криминальном банкротстве, может быть альтернативно определен в примечании как упущенная выгода от деяния в размере 25 базовых величин. Эта сумма составляет 10 % от суммы существующего размера ущерба, что относительно соответствует сумме процентов, предусмотренных в соответствии со ст. 366 ГК, за 1 год.

2. Другие исследователи предлагают определять момент окончания криминального банкротства исходя из момента констатации экономическим судом **невыплаченных и признанных погашенными требований при прекращении производства** по делу о банкротстве [12, с. 17]. Данный подход хоть и предусматривает достаточно четкий критерий, но, во-первых, выглядит устаревшим с учетом того обстоятельства, что в законодательстве большинства современных иностранных государств произошел отход от использования гражданско-правовых предпосылок для привлечения к ответственности за совершение криминального банкротства по причине необходимости расширения сферы применения норм о криминальном банкротстве; во-вторых, отодвигает момент признания деяния преступным на значительный срок (некоторые процедуры, предусмотренные Законом № 415-З, делятся до 1,5 года, не включая сроки с момента неисполнения обязательства до возбуждения производства по делу), а также переводит вопросы установления ущерба в рамки гражданского судопроизводства, где господствует диспозитивный порядок, в том числе в вопросе включения кредиторов в реестр требований и т. д.

Немного расширяя данный подход, П. С. Яни предлагает понимать под моментом окончания криминального банкротства **момент неисполнения**

обязательств перед кредиторами в результате совершения действий, описанных в нормах о криминальном банкротстве, когда они должны были бы быть исполнены в соответствии с законодательством об экономической несостоятельности (банкротстве) [13, с. 38–42; 14, с. 77–78]. Эти доводы находят свое подтверждение в аналогии с моментом окончания преступления, предусмотренного ст. 242 УК (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда от 26 марта 2015 г. № 1 [15]).

Рассматриваемый подход хоть и лишен противоречий с законодательным определением момента окончания криминального банкротства, но имеет ряд собственных недостатков (помимо уже рассмотренных выше), вытекающих из сущности подхода с использованием материальных конструкций составов криминального банкротства. Так, момент исполнения обязательства должника перед кредитором может устанавливаться как императивно

(установленный судом срок расчета перед кредиторами после утверждения отчета по итогам санации (ч. 2 ст. 136 Закона № 415-3); расчеты в соответствии с реестром требований в рамках ликвидационного производства (ст. 147 Закона № 415-3)), так и диспозитивно (расчет путем передачи кредитору требования должника (ст. 131 Закона № 415-3); расчет путем исполнения обязательств должника предоставлением финансовой помощи (ст. 132 Закона № 415-3) и иные процедуры расчета при санации; расчеты в соответствии с мировым соглашением (ст. 154–155 Закона № 415-3)). Как видно, некоторые из них во все могут являться неокончательными в контексте стадий процедур экономической несостоятельности. Остается неясным, следует ли рассматривать такие моменты неисполнения обязательств должника, которые были определены диспозитивно и могут быть впоследствии перенесены, в качестве момента окончания криминального банкротства.

Заключение

Предлагаемый в научной литературе подход, при котором момент окончания криминального банкротства предлагается относить к моменту уменьшения собственных активов должника, соответствует сущности механизма причинения вреда общественным отношениям при совершении криминального банкротства, но противоречит действующим редакциям ч. 2 ст. 238, ст. 239–241 УК, а также доктринальным представлениям о моменте юридического окончания преступления. Существующие конструкции составов преступлений и особенности правоотношений в области экономической несостоятельности (банкротства) влекут необходимость рассмотрения в качестве момента окончания криминального банкротства момент неисполнения обязательств перед кредиторами, когда они долж-

ны были бы быть исполнены в соответствии с законодательством об экономической несостоятельности (банкротстве). Однако, учитывая отдаленность данного законодательного решения от реального механизма причинения вреда общественным отношениям при совершении криминального банкротства, при практической реализации данного подхода возникает комплекс проблем, значительно снижающих эффективность и применимость ч. 2 ст. 238–241 УК. Для устранения данных проблем отечественному законодателю необходимо воспринять подход, при котором моментом окончания криминального банкротства будет являться момент уменьшения собственных активов должника, т. е. сформулировать соответствующие составы по типу формальных.

Библиографические ссылки

1. Тишкевич ИС. *Избранные труды*. Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право»; 2014. 484 с.
2. Смольский А. Анализ платежеспособности, выявление признаков ложного и преднамеренного банкротства при ликвидации юридического лица. *Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь*. 2004;17:105.
3. Смольский АП. Искажение отчетности с целью избежать открытия конкурсного производства [Электронный ресурс]. *КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр»*. Минск; 2018.
4. Кудрявцев ВН. Научные предпосылки криминализации. В: Кудрявцев ВН. *Криминология и уголовная политика*. Москва; 1985.
5. Нечаев АД. Исследовательские границы дейнджеризации как первого этапа криминализации: вредоносность и распространенность. *Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика*. 2016;2(8): 120–124.
6. Михалев ИЮ. *Банкротство и уголовный закон* [диссертация]. Владивосток: [б. и.]; 2000.
7. Лемягов АН. Объективная сторона преднамеренного банкротства. *Российский следователь*. 2008;23:24.
8. Гульй АА. Вопросы квалификации криминального банкротства по объективной стороне. *Российский следователь*. 2005;1:17.
9. Кузьминов ДА. Крупный ущерб как признак составов преступлений, связанных с банкротством. *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2011;2:13–16.
10. О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам ответственности за нарушения законодательства об экономической несостоятельности (банкротстве): Закон Республики Беларусь от 20 июля 2007 г. № 274-З [Электронный ресурс]. *Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь*. 26 июля 2007. № 175, 2/1371.

11. Хилюта ВВ. Препятствование возмещению убытков кредитору [Электронный ресурс]. *КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск; 2018.*
12. Колб БИ. *Ответственность за криминальные банкротства* [автореферат диссертации]. Москва: [б. и.]; 2003.
13. Яни ПС. Проблемы квалификации преступлений в сфере банкротства. *Законность*. 2014;1:38–42.
14. Яни ПС. Сложности квалификации преступлений, связанных с банкротством. *Законодательство*. 2007;8:77–78.
15. О практике применения судами законодательства по делам об уклонении от уплаты сумм налогов, сборов (статья 243 УК): постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2015 г. № 1 [Интернет]. [протитировано 22 августа 2018]. Доступно по: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=S21500001&p1=1>.

References

1. Tishkevich IS. *Izbrannye trudy* [Selectas]. Minsk: Editorial board of the magazine «Industrial and Commercial Law»; 2014. 484 p. Russian.
2. Smol'sky A. [Analysis of solvency, the identification of signs of false and intentional bankruptcy in the liquidation of a legal entity]. *Bulletin of the Supreme Economic Court of the Republic of Belarus*. 2004;17:105. Russian.
3. Smol'sky AP. *Iskazhenie otchetnosti s tsel'yu izbezhat' otkrytiya konkursnogo proizvodstva* [Distortion of reporting in order to avoid the opening of bankruptcy proceedings] [retrieval system]. *ConsultantPlus: Belarus / LLC «YurSpektr»*. Minsk; 2018. Russian.
4. Kudryavtsev VN. [Scientific prerequisites of criminalization]. In: Kudryavtsev VN. *Kriminologiya i ugolovnaya politika* [Criminology and criminal policy]. Moscow; 1985. Russian.
5. Nechaev AD. The research framework of dangerization as the first stage of criminalization: harmfulness and diffusion criteria. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika*. 2016;2(8):120–124. Russian.
6. Mikhalev IY. *Bankrotstvo i ugolovnyi zakon* [Bankruptcy and the criminal law] [dissertation abstract]. Vladivostok: [publisher unknown]; 2000. Russian.
7. Lemyagov AN. [Objective side of deliberate bankruptcy]. *Rossiiskii sledovatel'*. 2008;23:24. Russian.
8. Gulyi AA. [Questions related to the qualification of criminal bankruptcy on the objective side]. *Rossiiskii sledovatel'*. 2005;1:17. Russian.
9. Kuzminov DA. [Damage as a sign of the composition of crimes associated with bankruptcy]. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii*. 2011;2:13–16. Russian.
10. About amending certain codes of the Republic of Belarus on issues of liability for violations of the law on economic insolvency (bankruptcy): Law of the Republic of Belarus from 20 July 2007 No. 274-3 [retrieval system]. *National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus*. 26 July 2007. No. 175, 2/1371. Russian.
11. Khilyuta VV. *Prepyatstvovanie vozmeshcheniyu ubytkov kreditoru* [Obstruction of compensation of losses to the creditor] [retrieval system]. *ConsultantPlus: Belarus / LLC «YurSpektr»*. Minsk; 2018. Russian.
12. Kolb BI. *Otvettvennost' za kriminal'nye bankrotstva* [Responsibility for criminal bankruptcies] [dissertation]. Moscow: [publisher unknown]; 2003. Russian.
13. Yani PS. [Problems of classification of bankruptcy]. *Zakonnost'*. 2014;1:38–42. Russian.
14. Yani PS. [The complexity of assigning crimes related to bankruptcy crimes]. *Zakonodatel'stvo*. 2007;8:77–78. Russian.
15. On the practice of application by courts of legislation on evasion of payment of taxes, fees (Article 243 of the Criminal Code): Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus from 26 March 2015 No. 1 [Internet] [cited 2018 August 22]. Available from: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=S21500001&p1=1>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 23.08.2018.
Received by editorial board 23.08.2018.